

УДК 271

**ПРОЦЕСС ЛИКВИДАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ
НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1918 – 1920-е гг.***В. А. Овчинников***THE LIQUIDATION OF THE ORTHODOX MONASTIC CLOISTERS
OF THE SOUTH WEST SIBERIA REGION IN THE SOVIET PERIOD***V. A. Ovchinnikov*

Статья посвящена истории православных монастырей на территории юга Западной Сибири в советский период. Проанализированы причины, механизм процесса ликвидации монашеских обителей в 1918 – 1920-е гг. Выявлены особенности «выживания» монашеских общин до конца 1920-х гг.

The article is devoted to the history of the Orthodox monastic cloisters on the territory of the south of West Siberia region in soviet period. The reasons and mechanism of liquidation of the cloisters have been analyzed. The specific character of the monastic fraternity survival to the end 1920th years has been revealed.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, монастырь, монашество, советский период.

Keywords: Russian Orthodox Church, cloister, monasticism, Soviet period.

После прихода к власти в России большевиков Русская Православная Церковь (далее РПЦ) стала рассматриваться как враждебная советскому государству сила. Политика нового режима носила репрессивный характер и была направлена на полное уничтожение религии и церкви. В соответствии с декретом «О земле» от 26 октября 1917 г. и «Положением о земельных комитетах» от 4 декабря 1917 г. были национализированы церковные и монастырские земли. Основным законом, определяющим конфессиональную политику советского государства на многие десятилетия стал декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» 1918 г.

25 января (7.02.2009 г.) 1918 г. Поместный Собор РПЦ пришел к единогласному заключению, что имеет дело с актом открытого гонения на церковь, и постановил: «Изданный Советом народных депутатов декрет об отделении Церкви от государства представляет собой под видом закона о свободе совести злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения. Всякое участие как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви...» [22, с. 36 – 37].

Декрет лишал РПЦ всего движимого и недвижимого имущества, прекращал государственные субсидии. Религиозные организации, только зарегистрировавшись, могли получать по договору национализированные здания и предметы культа на условиях «бесплатного пользования» с разрешения власти. Имущество, находящееся в пользовании РПЦ, подлежало налогообложению. На основании декрета более 6.000 храмов и монастырей перешли под охрану государства как особо ценные памятники культуры. Наступление на права Церкви в первые годы советской власти велось медленно и импульсивно, т. к. были неразвиты административные структуры, отсутствовали отработанные методики, местные власти не всегда знали как применять действующие законы на практике. На первоначальном этапе упор

делался на обезглавливание Церкви и ликвидацию ее экономического базиса, шаги в этом направлении сопровождались репрессиями.

Один из первых ударов советская власть нанесла по монастырям – духовному оплоту православия. Процесс закрытия монастырей, начавшийся в России в 1918 г., принял массовый характер в 1919 – 1920 гг. в ходе национализации монастырских имуществ, которая сопровождалась кампанией против святых мощей и репрессиями. Основанием служили постановление коллегии НКЮ от 14.02.1919 г. о публичном вскрытии св. мощей и передаче в музей, и циркуляр о ликвидации мощей. В 1922 – 23 гг. расстреляно 5409 представителей черного духовенства, к началу 1922 г. было национализировано 722 монастыря [17, с. 418].

Первоначально стихийный удар пришелся на обители юга Западной Сибири в 1918 г., в результате чего часть монастырей прекратило свое существование. Первыми пострадали монашеские обители Алтайской духовной миссии (далее АДМ). 6 марта 1918 г. решением Горно-Алтайского съезда советов Улалинский женский монастырь был преобразован в хозяйственную коммуны, в августе 1921 г. его помещения, земли, имущество было передано образцовой коммуне немецких эмигрантов-коммунистов, а сестры монастыря удалены. В 1922 г. по решению Алтайского губисполкома религиозная община монастыря была окончательно ликвидирована, а земля и имущество переданы Улалинскому совхозу [29, с. 354 – 355]. В 1920-е гг. в монастыре была размещена тюрьма. Чулушманский миссионерский мужской монастырь был разграблен в 1918 г. местными алтайцами. Несколько насельников, ушедших в скит на мысе Ижон в 1919 г. были расстреляны отрядом красноармейцев. В 1920 г. несколько монахов еще проживали в обители, но после передачи ее коммуне «Свободный труд» в июне того же года были изгнаны [26, с. 148 – 150; 16, с. 103; 20, с. 116]. В 1920-е гг. в храме монастыря находился народный клуб.

По нашему мнению, разорение монастырей АДМ местным населением стало результатом роста национально-религиозной активности местного на-

селения в начале XX в., вызванной, в том числе обострением экономических противоречий, связанных с проведением генерального землеустройства Алтая, причислением инородцев из кочевого населения к оседлому, мобилизационными мероприятиями царского правительства. Неприязнь части алтайцев к монастырям проявлялась в разных формах еще до 1917 г., но открытый грабеж монастырского имущества стал возможен только после событий октября 1917 г. за которым последовал непродолжительный период фактического безвластия на местах и стихийных выступлений части населения против институтов старого строя.

Александрово-Невская пустынь подверглась первому разграблению в 1918 г., а в мае 1919 г. нападению партизанским отрядом Рогова и Новоселова [12, с. 73 – 74; 26, с. 148 – 150; 16, с. 113; 1]. Часть насельников была убита. Священник Георгий Крейдун, ссылаясь на записку управляющего скитом: «Прибывающая с фронта солдатня грозит нам расправой», считает, что связанные с партизанами, они стали инициаторами расправы над насельниками пустыни. Часть помещений пустыни была уничтожена в 1920-е гг., пещеры взорваны военными, на ее территории в период НЭПа действовала промышленная артель [19].

Городские крупные монастыри смогли в этой ситуации проявить стойкость и продлить свое существование на непродолжительное время. Широко известным стало событие, произошедшее в мае 1918 г. в Иоанно-Предтеченском монастыре. 24 (11) мая 1918 г., когда председателя союза по презрению инвалидов комиссара Глузмана, который прибыл с вооруженными людьми для проведения реквизиции продовольствия, молочного скота и лошадей (что фактически обрекало 300 насельниц обители на голод). Собравшаяся на набат монастырского колокола толпа народа вытеснила из монастыря. Прибыв через некоторое время с отрядом солдат, комиссар Томского совдепа Д. Кривоносенко начал стрелять в людей, убив двух и ранив несколько граждан. После чего он был настигнут толпой и убит. Чтобы избежать расправы над монастырем, большие усилия приложил епископ Анатолий, который обратился к власти и народу с призывом к братской любви, миролюбию, взывая к справедливому расследованию [30, с. 5]. В результате пострадали ряд граждан и священнослужитель. От расправы монастырь спасло начало военных действий на территории Сибири и захват города белочехами 31 мая 1918 г.

Неудивительно, что монастыри, как и большинство священнослужителей РПЦ на территории Урала [2, с. 17 – 18] и Сибири, подверглись репрессиям со стороны новой советской власти в 1918 г., поддержали новый колчаковский режим. В правительстве А. В. Колчака было создано министерство вероисповеданий, монастырям были возвращены конфискованные ранее земли, возобновили работу духовные училища, в школы возвращено обязательное преподавание Закона Божьего [15, с. 63]. Для борьбы против большевиков были созданы дружины

святого креста, в колчаковской армии монахи находились в качестве воинских священников. Монастыри принимали участие в религиозно-патриотических мероприятиях: крестных ходах, молебнах [12, с. 46 – 47].

После восстановления советской власти на юге Западной Сибири, несмотря на преследования, связанные с сотрудничеством с колчаковским режимом, монашеские общины пытались выжить в условиях жестко проводимой антирелигиозной государственной политики. Наряду с регистрацией религиозных общин на правах двадцатки, что давало право только на бесплатное пользование храмом и богослужебным имуществом, одним из способов сохранения монашеских общин являлась реорганизация в трудовые артели и коммуны с одобрения церковных иерархов, т. к. декрет о земле и «Основной закон о социализации земли» давали такую возможность. Несмотря на то, что НКЮ и НКЗ 30.03.1919 г. издали циркуляры о строгом разделении объединенных хозяйств и религиозных объединений (последние не могли быть зарегистрированы как хозяйственные объединения), в марте 1921 г. в Архангельской, Новгородской и Череповецкой губерниях существовало 43 подобных общины [40, с. 87 – 189]. К марту 1921 г. из 400 действующих в 24 губерниях РСФСР монастырей в 116 были созданы артели и коммуны.

Монашеские общины бывшей Томской епархии РПЦ, сохранившиеся к 1920 г. действовали подобным способом. Незначительно различается процесс ликвидации общин градо-Томских монастырей из-за их перехода в 1923 г. в обновленчество и алтайских монастырей, придерживающихся «тихоновской» ориентации.

17 декабря 1919 г. в г. Томске, началось преследование священнослужителей, помогавших армии Колчака, в 1920 г. прошла реквизиция зданий РПЦ, в т.ч. архиерейского дома [31, с. 10; 13, с. 70 – 71]. Официально в 1920 г. были конфискованы постройки и земли Алексеевского монастыря [28, с. 273 – 274]. На основании декрета о реквизициях и конфискациях 22.04.1920 г. в августе 1920 г. при обыске церкви Иоанно-Предтеченского монастыря на основании ордера Томской ЧК были изъяты денежная сумма 20900 руб., аннулированы облигации и ренты, изъяты 98 билетов и долговых расписок, копировальный пресс и другие предметы [10, л. 38 – 39]. В течение 1920 – 1921 гг. по постановлениям учетно-реквизиционной комиссии у монастыря неоднократно изымалось имущество: экипажи, мебель, печатная машинка, сантехника, картины, водопроводные трубы [10, л. 34 – 43].

Томские монастыри пытались приспособиться к новым условиям существования. 21 января 1920 г. уездный ревком временно утвердил избранный монастырский совет общины бывшего Иоанно-Предтеченского монастыря в составе 17 чел., указав, что в случае антисоветской агитации и контрреволюционных поступков ответственность ляжет на коллектив общины [7, л. 70 – 72]. Сестры регистрировали и трудовую артель «Женщина», которая

также подвергалась гонению со стороны местной власти. В 1924 г. горсовет г. Томска принял решение о ликвидации домового храма трудовой артели монахинь бывшего женского монастыря, расположенной в здании Губместхоза. Сестры должны были переселиться в другие помещения. Связано это решение было с нахождением в этих помещениях детского дома № 24 [8, л. 21]. Часть сестер перешла жить на заимку монастыря, организовав сельскохозяйственную артель [27, с. 8].

В 1924 г. была зарегистрирована Успенская обновленческая община, почетным председателем совета которой стала бывшая настоятельница монастыря игуменья Анастасия (Некрасова). Успенский собор и Иннокентьевская церковь были переданы общине [10, л. 1 – 11]. Принадлежность общины к обновленческому направлению помогла ей, несмотря на затянувшийся конфликт с детским домом «институтом социального перевоспитания», просуществовать до 1929 г. К этому времени община практически прекратила свое существование из-за невысокой популярности обновленчества у верующих горожан [10, л. 46 – 48, 84]. В связи с тем, что община не смогла выполнить пункт договора о содержании Иннокентьевского храма, он был передан под клуб студгородка [10, л. 105 – 111]. В 1930 г. соседство клуба студгородка с Успенским храмом, община которого практически прекратила свое существование, привело к расторжению договора с Успенской религиозной общиной. Церковь было решено разобрать на кирпич по причине ветхости [10, л. 124 – 125]. Обе церкви монастыря были снесены, на месте Успенского храма был построен гараж [25, л. с. 194].

Братия Томского Алексеевского монастыря также передало в губернский отдел юстиции протокол собрания (присутствовало 102 чел.) от 20 апреля 1920 г. и заявление на передачу в бесплатное пользование церкви и монастырского имущества совету религиозной общины, ссылаясь на декрет об отделении церкви от государства [7, л. 1 – 3]. Заявление было оставлено без ответа, а в газете «Знамя Революции» № 131, 1920 г. была опубликована заметка «О закрытии монастырской церкви», поэтому 2 июля 1920 г. монашеская община вновь подала заявление [7, л. 1 об.].

2 июня 1920 г. губернский отдел юстиции после проверки построек и земель монастыря принял решение передать имущество в ведение коммунального отдела, а земли в Петропавловской области земельного отдела. На основании решения президиума Томского горuezдсполкома от 30 июня 1920 г. церковь мужского монастыря была закрыта, вопрос о ее использовании оставлен открытым [7, л. 12 об.]. Впоследствии помещения монастыря отошли педагогическому училищу [14, с. 306]. Очевидно, что часть насельников монастыря проживала компактно в г. Томске еще в 1922 – 23 гг. На это косвенно указывают данные краеведов и письмо епископа Томского от 19 мая 1922 г. с уведомлением, что в случае его возможного ареста, верховное управление епархией передается временно епископу Бийскому Ин-

нокентию, а текущие дела епархиальному управлению, временным председателем которого назначается наместник Алексеевского монастыря архимандрит Ираклий.

Часть насельников монастыря создали сельскохозяйственную артель «Труд и братство». Но уже в августе 1920 г. она была ликвидирована, все имущество и помещения артели были переданы совхозу № 6, трудоспособных членов артели в порядке трудовой мобилизации отправили работать в этот же совхоз, зачислив их в разряд рабочих [4, л. 123; 31, с. 11]. В постановлении объяснялись причины ликвидации сельскохозяйственной артели: «Принимая во внимание, что артель «Труда и братства», образованная главным образом из монашествующих мужского монастыря до сих пор сохранила связь с последним, являясь по существу религиозной общиной, что имущество артели фактически является собственностью монастыря, чем нарушается декрет об отделении церкви от государства, что строительство на б. Архимандритской заимке советского хозяйства и указанной артели недопустимо в административно-хозяйственном отношении; предложить Губземоделу ликвидировать указанную выше артель...» [4, л. 123].

В сентябре 1924 г. была зарегистрирована обновленческая община при Богородице-Алексеевском храме бывшего мужского монастыря, который стал местом служения обновленческого епископа Сергия (Дмитриевскому), который, будучи женат, имел 8 детей [9, л. 18, 26]. В 1929 г. постановлением городского совета договор на пользование молитвенным зданием - Алексеевской церковью, был расторгнут [9, л. 140].

На Алтае монастыри, оставшиеся после событий 1918 – 1919 гг., были закрыты в 1920 – 1921 гг. Исключение составила монашеская община Тихвинского Бийского монастыря, просуществовавшая до 1928 г. В зданиях Чемальской миссионерской женской общины в 1920 г. были открыты краткосрочные педагогические курсы красных учителей с первой опытно-показательной школой [18, с. 178 – 179]. В 1925 г. Игуменья Людмила с 11 сестрами переехали в Николо-Угрешский монастырь к митрополиту Макарию (Невскому) [21, с. 26].

В Барнаульском монастыре настоятельница, чувствуя надвигающуюся опасность, в 1919 г. разрешала разойтись по домам воспитанницам и послушницам монастыря. В 1920 г. сестры монастыря зарегистрировали сельскохозяйственную трудовую общину, которая прекратила свое существование осенью того же года. После ликвидации обители община продолжала существовать, зарегистрировавшись как религиозное объединение при монастырском храме [35, л. 106, 183]. Известно, что 20 мая 1923 г. отделом управления губисполкома было дано разрешение священнику Раеву И. В. на созыв собрания «...граждан православного вероисповедания быв. женского монастыря» [35, л. 106]. В 1924 г. административный отдел Алтайского губисполкома закрыл монастырский храм в общем порядке закры-

тия монастырей и использования помещений под детдом [36, л. 29]. Позже на территории бывшего монастыря был размещен «Городок просвещения», затем курсы красных учителей, их сменил сельскохозяйственный техникум, далее детдома, в 1925 – 1926 гг. тюрьма, позже и до настоящего времени – следственный изолятор.

Не известно точное время прекращения существования Кучумовской, Синюхинской, Матурской женских общин. Вероятно, это начало 1920-х гг. Известно, что в 1924 г. на базе Матурской Иверской общины была создана трудовая коммуна «Красная речка», которая через непродолжительный промежуток времени распалась [16, с. 117].

Приведенные примеры наглядно показывают, что ряд монашеских общин крупных женских монастырей, обладавших в дореволюционный период большим числом насельниц и опытом организации хозяйства, пытались непродолжительное время приспособиться к условиям советской власти. Несомненно, что монастыри как социально-экономические организации, основанные на самообеспечении, самоуправлении, самоконтроле без активного воздействия враждебной внешней среды, могли успешно существовать в автономном режиме.

В 1928 г. началась подготовка к широкомасштабным преобразованием на селе, где угрозу преобразованиям составляли зажиточные крестьяне, сохранившие старый религиозный уклад. Было решено нанести удар по оставшимся религиозным общинам и монастырям. В феврале 1929 г. был подписан указ ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы» в котором говорилось: «...Усиление социалистического строительства, социалистическое наступление на кулацко-нэпманские элементы вызывает сопротивление буржуазно-капиталистических слоев, что находит свое яркое выражение на религиозном фронте, где наблюдается оживление различных религиозных организаций, нередко блокирующихся между собой, использующих легальное положение и традиционный авторитет Церкви». Колхозам и кооперативным организациям предписывалось: «...обратить внимание на необходимость овладеть вегетарианскими столовыми и другими кооперативными объединениями, созданными религиозными организациями, сектами под видом кустарно-промышленных и других кооперативных объединений» и «...организовать широкие массы на борьбу с религией, правильное использование бывших монастырских и церковных зданий и земель, устройство в бывших монастырях мощных сельскохозяйственных коммун, сельскохозяйственных станций, прокатных пунктов, промышленных предприятий, больниц, школ, школьных общежитий и т. п., не допуская ни под каким видом существования в этих монастырях религиозных организаций...» [11, с. 82 – 84]. Специально созданная антирелигиозная комиссия поручила спецкомиссии с участием НКВД и ОГПУ выяснить количество еще не ликвидированных монастырей и подготовить вопрос об их превращении в советские учреждения: колонии, общежития, совхозы и т. п.

С 1929 г. начинался новый этап интенсификации борьбы с религией. В результате массового закрытия церквей и истребления значительной части духовенства православных храмов на Алтае осталось настолько мало, что практически стерлась грань между различными течениями. Процесс массового закрытия церквей, снятия колоколов на юге Западной Сибири активизировался в 1934 г., с небольшим запозданием по сравнению с европейской частью России. Местные Советы получили приказ ликвидировать культовые здания в кратчайшие сроки, переоборудовать под клубы, зернохранилища и т. п. По постановлению Западно-Сибирского крайисполкома в 1931 – 1937 гг. было закрыто 185, в 1938 – 1939 гг. – 158 церкви [39, л. 1 – 23]. До этого массовое закрытие храмов прошло в 1929 г., когда было ликвидировано примерно 2/3 приходов в Барнаульской и Бийской епархиях.

Активное уничтожение остатков священнослужителей в СССР пришлось на 1937 г. Руководствуясь оперативным приказом наркома НКВД от 30.07.1937 г. № 00447 в стране началась операция по репрессированию «активных антисоветских элементов», в том числе служителей РПЦ. В ходе операции были уничтожены часть монашества юга Западной Сибири. Одним из наиболее массовым по числу расстрелянных монашествующих (игуменя Мариамна и сестры монастыря) было дело 1938 г. о церковно-монархической организации в г. Барнауле.

Необходимо отметить, что монашеские обители не оказывали сопротивления новой власти, несмотря на то, что ее мероприятия наносили им невозвратимый урон. Без инцидентов прошла кампания по изъятию денежной наличности монастырей, конфискации и реквизиции имущества, национализации земель и имущества в 1920 – 1921 гг. Монашеские общины пытались действовать в рамках нового законодательства. Относительно спокойно в монастырских храмах прошла кампания по изъятию ценностей во время голода 1921 – 1922 гг. В августе 1921 г. патриарх Тихон обратился с призывом оказать помощь голодающим. Подобные воззвания были повторены епархиальным начальством [5, л. 4 – 5 об.; 34, л. 86].

Представители власти действовали последовательно, но осторожно. 6 апреля 1922 г. при осмотре Иоанно-Предтеченского монастыря было предложено снять ризы с тех икон, где писаны не только лики, но и фигуры святых. Снятие риз разрешили сделать по окончании Пасхальной недели, а икону «Достойной Божьей матери», как особо чтимую, оставить [10, л. 30]. Но позже, признав ее местно чтимой, ризу с указанной иконы – серебряную, позолоченную, с камнями в венце – изъяли. Вместе с богослужебными предметами из монастыря были изъяты 25 риз (в т. ч. с бриллиантами) в апреле и 14 риз (вес 14 фунтов 48 золотников) в мае 1922 г. [10, л. 31 – 32].

Изъятие церковных ценностей в Алтайской губернии, которое проводилось губернской комиссией в соответствии с п. 2 Постановления ВЦИК от 15 февраля 1922 г., также прошло спокойно [32,

л. 4 об.]. В бывшем Барнаульском женском монастыре, как закрытом, изъятие не проводилось, так как не были получены сведения, куда были переданы местные церковные ценности [33, л. 51]. В Бийском монастыре ценностей было изъято незначительное количество. В анкете для регистрации служителей культа в марте 1924 г. епископ Никита (Прибытков), проживающий в Бийском монастыре, на вопрос – «Какое Ваше отношение к вопросу об изъятии церковных ценностей на дело помощи голодающим?», ответил – «Церковные ценности должны быть изъяты». На вопрос – «В чем проявилось указанное Вами отношение к изъятию ценностей на практике?», был дан ответ – «Ценности Тихвинского монастыря отданы беспрекословно» [38, л. 40 об.].

Отказы пустить комиссии по изъятию ценностей в церкви были зафиксированы в Мариинске, Барбинске и других городах, в сельской местности Алтая произошли волнения, избивание представителей советской власти, но это не относилось к церквям монастырей. Не известны были случаи и подобные делу Тобольского женского монастыря, где было привлечение к суду за сокрытие в огороде и стогу сена икон и серебряной утвари [15, с. 95]. В целом по стране газеты тех лет отмечали сильное сопротивление монашествующих изъятию святынь и ценностей. За 1922 – 1923 гг. было отмечено 1414 столкновений верующих с властями, погибло около 6 тыс. монашествующих [3, с. 334].

Монашествующие пытались укрыть святыни обителей во время кампании по вскрытию мощей. По устным свидетельствам известно о вывозе в 1920 г. из Томского Алексеевского монастыря св. ковчега с частью гроба Господня и частицами св. мощей духовным сыном настоятеля монастыря [24, с. 7]. В начале XXI в. и. о. наместника монастыря иеромонахом Иннокентием (Ивановым) были обнаружены оклады, замурованными в перекрытии 2-го этажа келейного корпуса.

К формам неявного сопротивления новой власти можно отнести и поддержание монашествующими народной веры в чудеса. Так, в 1920-е гг. в Томске неоднократно распространялись слухи о явлении тени старца Федора Кузьмича в Алексеевском монастыре, в результате чего народ стекался к монастырю и часовне [23, с. 8]. Власть была вынуждена применять силовые методы, позже часовня была разрушена.

В 1925 г. органы милиции и НКВД были взбодражены появлением «Святого ключа» в 2 верстах от с. Сорочий лог Белоярского района и нарождающимся движением среди населения деревень Барнаульского уезда на религиозной почве, выражающимся в паломничестве. В 1920 г. недалеко от этого места были расстреляны и захоронены жители села за восстание против советской власти [37, л. 1 – 2]. В настоящее время у св. ключа с. Сорочий лог находится Иоанно-Предтеченский скит – подворье Барнаульского женского Знаменского монастыря.

К концу 1920-х гг. здания и земли бывших монастырей были переданы земотделам, наробразам,

здравотделам, собесам, концентрационным лагерям, в них были размещены коммуны, колхозы, санатории и дома отдыха, детские дома и колонии, исправительно-трудовые колонии и тюрьмы [6, л. 115].

В период становления тоталитарного режима в России в 1920 – 30-е гг. государственная политика в отношении РПЦ не была последовательной. В зависимости от укрепления позиций советской власти на местах, развития законодательной базы менялась тактика действий власти при неизменном сохранении сущности антицерковной политики. Это, в свою очередь, влияло на изменение тактики борьбы за выживаемость РПЦ, пытавшейся приспособиться к новым социальным условиям. В Сибири антицерковная политика государства носила особые черты по сравнению с европейской частью страны, что было связано с более поздними сроками установления советской власти, отдаленностью региона от центра, обширными территориальными размерами и слабостью местных органов новой власти.

Положение монашеских обителей и меры, принимаемые властью по их ликвидации напрямую связаны с особенностями государственной вероисповедной политики по отношению к РПЦ. В 1917 – 1920 гг., проведя отделение Церкви от государства, большевики лишили ее элементарных гражданских прав, поощрялись меры репрессивного характера, осуществлялись пропагандистские кампании. Первые монашеские обители (Улалинский и Чулышманский монастыри, Александро-Невская пустынь) были уничтожены в результате действий вернувшихся с войны солдат, национальных меньшинств, партизан в ходе революционных событий и гражданской войны в 1918 – 1919 гг. Это время характеризуется стихийными погромами, неконтролируемыми преступлениями против монашества, монастырей, и РПЦ в целом.

После восстановления советской власти на юге Западной Сибири, несмотря на попытки монашеских общин сохраниться в виде религиозных приходских общин, артелей, коммун в 1920 – 1921 гг., данные организации, созданные монашествующими Томских Алексеевского и Иоанно-Предтеченского, Барнаульского женского монастырей прекратили свое существование. В 1921 – 1928 гг. начался период относительной стабилизации, когда советское правительство отказалось от широкомасштабных репрессий против РПЦ, делая упор на ее развал путем поддержки обновленцев и других расколов. В этот период была создана религиозная община обновленческого толка Успенской церкви бывшего Иоанно-Предтеченского монастыря, в состав которой вошли настоятельница и часть сестер. Продолжала действовать многочисленная религиозная община бывшего Бийского Тихвинского монастыря, которую закрыли в 1928 г. Бывший Тихвинский монастырь стал резиденцией епископа Никиты (Прибыткова) и опорой «тихоновского» направления в крае. В начале 1920-х гг. обязанности местных и губернских органов по работе с РПЦ не были распределены, в их действиях наблюдалась несогласован-

ность, никто не нес прямую ответственность за исполнение требований «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви», что также способствовало более долговременному сохранению общин бывших обитателей.

В 1929 – 1938 гг. в связи с коллективизацией и индустриализацией государство начался период ужесточения репрессий против РПЦ. Были уничтожены последние религиозные общины на базе бывших монастырских храмов, монашествующие подверглись прямому уничтожению и преследованиям.

Литература

1. Алтайская правда [Текст]. – 2002, № 182 (24083) 16 июля.
2. Андреева, Е. В. Монастыри Екатеринбургской епархии: административно-экономическое и социально-культурное развитие (1861-1935) [Текст] / Е. В. Андреева; автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2006. – 21 с.
3. Васильева, О. Ю. Судьбы русских монастырей в XX веке [Текст] / О. Ю. Васильева // Монашество и монастыри в России. XI – XX века: исторические очерки / отв. ред. Н. В. Синицина; Ин-т российской истории. – М.: Наука, 2002. – С. 332 – 342.
4. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф.Р. 53. Оп. 1. Д. 14.
5. ГАТО. Ф.Р. 173. Оп. 1. Д. 371.
6. ГАТО. Ф.Р. 173. Оп. 1. Д. 578.
7. ГАТО. Ф.Р. 200. Оп. 1. Д. 29.
8. ГАТО. Ф.Р. 430. Оп. 1. Д. 33.
9. ГАТО. Ф.Р. 430. Оп. 1. Д. 36.
10. ГАТО. Ф.Р. 430. Оп. 1. Д. 37.
11. Дамаскин (Орловский), игумен. История Русской Православной Церкви в документах архива президента Российской Федерации [Текст] / игумен Дамаскин (Орловский) // 2000-летию Рождества Христова посвящается: Спецвыпуск «Вестника архивиста». – М.: Российское общество историков-архивистов, Синодальная Комиссия по канонизации святых, 2001. – С. 78 – 112.
12. Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае [Текст]: Управление архивного дела администрации Алтайского края. – Барнаул, 1999. – 407 с.
13. Из истории земли Томской. 1917 – 1921. Народ и власть [Текст]: сб. документов и материалов / Под ред. Б. П. Тренина; Гос. архив Том. обл., Областное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество "Мемориал", Музей общественно-политической истории XX века. – Томск: Водолей, 1997. – 352 с.
14. История названий томских улиц [Текст] / отв. ред. Г. Н. Старикова. – Томск: Водолей, 1998. – 320 с.
15. Коголь, Т. Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири) [Текст] / Т. Н. Коголь. – Томск: Издательство ТГПУ, 2005. – 184 с.
16. Крейдун Георгий, священник. Алтайская духовная миссия в 1830 – 1919 гг.: структура и деятельность [Текст] / Георгий Крейдун // Труды Барнаульской духовной семинарии: сб. / Русская Православная Церковь Московский Патриархат Барнаульская православная духовная семинария. – Вып. 1. – Барнаул, 2009. – С. 66 – 125.
17. Монастыри. Русская Православная Церковь [Текст]: энциклопедический справочник / под общ. ред. архиепископа Бронницкого Тихона; Сост. А. В. Никольский. – М.: Изд-во Моск. Патриархии: Республика, 2000. – 464 с.
18. Мукаева, Л. Н. История народного образования в Горном Алтае в 1920-1930 гг. [Текст] / Л. Н. Мукаева // Этническая история и культура народов Советской страны: тезисы докладов. – Омск, 1991. – С. 178 – 179.
19. Муравьев, А. Обитель черного монаха [Текст] / А. Муравьев // Парламентская газета. – 2002. – № 1119. – 20 декабря.
20. Николаева, Н. А. Эхо песен Алтын-Келя. 100 вопросов на 100 ответов о Телецком озере [Текст] / Н. А. Николаева. – Барнаул, 2004. – 128 с.
21. Патмос – остров святителя Макария [Текст]: брошюра: серия «Святые места Алтая». – Барнаул. – 31 с.
22. Священный собор Православной Российской Церкви. 1917 – 1918 гг. Обзор деяния. Вторая сессия. Крутицкое Патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории [Текст] / Сост. А. А. Плетнева, Гюнтер Шульц; под общ. ред. Гюнтера Шульца; Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории. – М., 2001. – 542 с.
23. Скворцов, Г. Когда заря сходилась с зарей [Текст] / Г. Скворцов // Томские православные ведомости. – 1990. № 1 (октябрь).
24. Скворцов, Г. Хроника Казанского собора [Текст] / Г. Скворцов // Томские православные ведомости. – 1993. № 1 (23).
25. Славнин, В. Д. Томск: от крепости к городу. [Текст] / Витольд Славнин. – 2-е изд., доп. – Томск: Оптимум, 2004. – 224 с.
26. Текущий архив Барнаульской епархии. Годовой отчет Барнаульской епархии за 2004 год. – С. 148 – 150.
27. Томские православные ведомости. – 1992. – № 9 (20) сентябрь.
28. Томский Алексиевский монастырь [Текст] // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. – Т. 3. С-Я / РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т истории; гл. ред. В. А. Ламин, отв. ред. В. И. Клименко. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. – 783 с.
29. Улалинский Николаевский монастырь [Текст] // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. – Т. 3. С-Я / РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т истории; гл. ред. В. А. Ламин, отв. ред. В. И. Клименко. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. – 783 с.
30. Фаст М., священник, Фаст Н. П. Православная Церковь в Томске после Социалистической революции и в период гражданской войны [Текст] /